

Она верно отражает имманентную логику истории, ее направленность, но из нее не выведешь линию практического поведения, ею не будешь руководствоваться в повседневной жизни. Г.С. Батищев просто отказывается от гуманизма Маркса, заменив его гуманизмом *другодоминантности*. И. Дедков не отказывается от коммунизма как реального гуманизма, оставляя эту идею в качестве *идеала*. В повседневной жизни он наполняет ее практическим содержанием. Наличие идеала не дает потерять смысл жизни, а принятие всего «текста народной жизни» помогает сохранить веру в человека.

К таким же выводам приходил А.А. Ухтомский в своих размышлениях о жизни: «Лишь бы была верность действительности, как она есть, лишь бы в человеке сохранялась до конца яркая и большая потребность передать, что он видел, чему был свидетелем в реальности, как она есть. Это выводит рано или поздно на правильный путь» [7, с. 260]. Гуманизм, считает И. Дедков, не должен оставаться только философской теорией. В условиях, когда государство превращает человека в свою собственность, человек имеет право освободить себя от моральных обязательств перед таким государством и не входить каждый раз в его положение. В повседневной жизни опорой для человека служит практический гуманизм, вырастающий из моральных традиций народной жизни. Такой гуманизм оказывается гарантией сохранения человечности и самой жизни. Коммунизм, гуманизм, демократизм становятся близкими, родственными понятиями. Главное в них – уважение свободы и достоинства человека.

Закончу свою статью словами Т.Ф. Дедковой из предисловия к книге И. Дедкова «Эта земля и это небо»: «Он верил в то, что если вы будете стоять на своем, с сознанием, что делаете важное дело, то люди это в конце концов признают».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беседа с В.М. Межуевым // Вопросы философии. – 2014. – № 2.
2. Библер В.С. Михаил Михайлович Бахтин или поэтика культуры. – М. : Прогресс, 1991.
3. Дедков И.А. Наше живое время. – М. : Изд-во МГУ, 2014.
4. Дедков И.А. Любить? Ненавидеть? Что еще?.. Заметки о литературе, истории и нашей быстротекущей абсурдной жизни. – М. : АИРО–XX, 1995.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. – М., 1955–1974.
6. Соловьев Э.Ю. Личность и ситуация в социально-политическом анализе Маркса // Вопросы философии. – 1968. – № 5.
7. Ухтомский А.А. Доминанта. – М. : Прогресс, 2002.

I. DEDKOV: FROM “STRIKT MARXISM” TO REAL HUMANISM

F.V. Tsann-kai-si

The issue under consideration in this paper is the evolution of I. Dedkov's views on the social ideal.

Humanism, communism, world outlook (Weltanschauung), estrangement, freedom, personality, ideal, dialogue, dominant.

Статья поступила 20.05.2015

УДК 82.09

II. ДЕДКОВ О СУДЬБАХ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ РОССИИ

Ю.В. Лебедев

Взгляды И.А. Дедкова на жизнь русской провинции рассматриваются в контексте духовно-нравственной традиции русской классической литературы.

Культура, исторический процесс, цивилизация, провинция, литература.

В 1858 г. два русских ученых и общественных деятеля Александр Николаевич Пыпин и Михаил Матвеевич Стасюлевич посетили Йену с туристической целью. В XIX в. такое паломничество просвещенных русских людей в Западную Европу было явлением заурядным и стоило не очень дорого. Вечером они прибыли в Йену, разместились в гостинице, отдохнули, а утром пошли осматривать город. Типичные русские интеллигенты, они, конечно, зашли сперва в книжную лавку. Накупив нужных книг, они спросили, как им пройти в Йенский университет. Приказчик книжной лавки, пожав плечами, ответил: «Но у нас нет университета». – «Как! – воскликнули друзья. – В Йене нет знаменитого университета?!» Тогда приказчик с немецким педантизмом пояснил, что на их вопрос он не мог дать иного ответа. Как пройти в университет, если центрального здания в нем вообще не существует? Есть лишь дом, где помещается библиотека университета. Что же касается факультетов и аудиторий, то они рассыпаны по всему городу и находятся в многочисленных частных домах.

Случай этот известный литературовед Н.К. Пиксанов считал типичным. Он видел в нем модель культурной жизни Германии, принципиально отличающуюся от модели культурной жизни России. Как Йенский университет, культура Германии рассеяна по всей стране, по городам и городкам, по многочисленным немецким землям. «Центрального здания» здесь нет. Культура не поддается централизации. Ее «гнезда», ее «сады», «грядочки» и «клумбочки» богато цветут по всей стране. Они часто превосходят своим цветением столицу то в одном, то в другом. Не случайно в описании своего культурного развития немцы отдают внимание местным, областным группам – швабским поэтам, йенским и гейдельбергским романтикам... [6].

В России жизнь складывалась иначе. На протяжении веков исторический процесс был устремлен к централизации: сначала московской, потом петербургской и, наконец, вновь московской, уже в советский период. Для России был характерен постоянный отток культурных сил из провинции в столицу. С одной стороны, это способствовало подъему элитарного культурного слоя на вершины, недостижимые подчас даже для просвещенной Европы. А с другой – обескровливание провинции вело к неизбежному понижению среднего уровня культуры. Этот процесс оскудения провинции очень тревожил в XIX в. многих русских писателей и ученых.

«Известно, что Россия с древнейших времен периодически подвергается действию различного рода пионеров, которые обрабатывают ее всесторонне и с старательностью, – писал М.Е. Салтыков-Щедрин. – Но небезызвестно также, что пионеры всех стран и времён встречали и встречают в провинции прием неприветливый. Во-первых, не всякому лестно, что его вот-вот начнут сейчас обрабатывать; во-вторых, пионеры почти всегда являются на сцену снабженные прекраснейшими окладами, на которые очень многие заглядываются».

Какой же обработке подвергают российскую провинцию пионеры? «Испытайте мысль любого из столичных бюрократов о провинции, – продолжал Салтыков-Щедрин, – очистите эту мысль от тех оговорок, которыми она почти всегда затемняется, и вы, наверное, прочтете так: провинция есть среда, в которой собираются подати и налоги, необходимые для безостановочного действия центров <...>

Какое заключение можно вывести из всего сказанного выше? Какое будущее ожидает провинцию, ежели материальные и умственные ее силы будут по-прежнему устремляться к центрам? Нет никакого сомнения, что ежели положение вещей в провинции останется в том же виде, в каком оно находится ныне, то провинция в конце концов заглохнет и порастет репейником» [7].

Салтыков-Щедрин сочувственно относился к цветущей сложности народной жизни всех областей, краев и национальных гнезд внутри государства Российского. Ему казалось, что процесс чрезмерной централизации огромной страны искусственно подавлял это естественное цветение, вызывая периодические вспышки народных волнений. Живая жизнь народа пыталась стряхнуть с себя штампуемое сверху деспотической рукой официальное клеймо.

Свыше ста лет назад Иван Аксаков в статье о местной печати, в чем-то вторя Салтыкову-Щедрину, писал: «Нашему провинциализму суждено великое значение в будущем; мы разумею здесь под провинциализмом ту сумму местного опыта и знаний, ту близкую связь с местными интересами, которые должны придать особенную крепость духовным силам местного общества, которые не оставят в запустении – не позволят заглохнуть ничему живому или способному жить, цвести и приносить свой плод – свою дань в богатую сокровищницу общерусского развития» [1].

Игорь Александрович Дедков с большим сочувствием цитировал этот отрывок из статьи Аксакова. «Перечитывая старых писателей, – говорил он, – лучше понимаем самих себя, свою страну, ее пути. Это только кажется, что в обороте много новых идей. Идеи уходят в тень, потом являются на свет, но даже и в тени их жизнь продолжается: старые слова словно впитывают новый опыт» [4, с. 49].

Помню, как однажды во время прогулки по патриархальным улицам Костромы, вдоль дощатых заборов, тенистых садиков, зеленых дворишков Игорь вдруг остановился и сказал: «А знаешь, вот мы с тобой всё говорим, говорим. ... А между тем, сколько жизней, трудных, нестроенных, скрывается за окнами этих ветхих домов, в тени этих тихих дворишков. И никому, в сущности, нет до них дела...». Дедков настаивал на том, что история страны вершится здесь, в этой непритязательной провинциальной глубине. Ему был близок и понятен смысл следующих слов Герцена: «...В каждой задержанной былинке несущегося вихря те же мотивы, те же силы, как в землетрясениях и переворотах, и буря в стакане воды, над которой столько смеялись, вовсе не так далека от бури на море, как кажется» [2]. Дедков с трепетным сочувствием относился к скудной жизни русских провинциальных окраин, о которых поэт Анатолий Пердреев написал тогда очень проникновенные и очень грустные стихи:

*Околица родная, что случилось?
Окраина, куда нас занесло?
И города из нас не получилось,
И навсегда утрачено село.
Взрастил свои акации и вишни,
Ушла в себя и думаешь сама,*

*Зачем ты понастроила жилища,
Которые ни избы, ни дома?!
Как будто бы под сенью этих вишен,
Под каждым этим низким потолком
Ты собиралась только выжить, выжить,
А жить потом ты думала, потом.
Окраина, ты вечером темнеешь,
Томясь большим сиянием огней,
А на рассвете так росисто веешь
Воспоминаньем свежести полей.
И тишиной, и речкой, и лесами,
И всем, что было отчею судьбой...
Разбуженная ранними гудками,
Окутанная дымкой голубой! [5]*

Для тех, кто следил за творчеством Дедкова, не могло пройти незамеченным, как в преддверии «перестройки» он энергично и настойчиво стал защищать скудную жизнь провинциальных окраин от столичных литературных и реформаторских химер. Не случайно так высоко оценил он в свое время повесть Виталия Семина о жизни людей городской окраины «Семеро в одном доме» (1965).

Дедков был русским интеллигентом, воспитанным на демократических ценностях нашей литературной классики. Отсюда – его критические заметки об эпопее А.И. Солженицына «Красное колесо». Ныне оказались забытыми упреки нашего критика известному, признанному и, бесспорно, крупнейшему русскому писателю. Дедков упрекал Солженицына в отречении от вековой демократической традиции, от коренных устоев отечественной мысли и культуры. Солженицын, считал Дедков, изменяет заветам «золотого века» русской классики. Если у Толстого в «Войне и мире» вертикаль истории расширяется книзу как пирамида и творческий ее результат напрямую зависит от «дифференциалов» истории, от жизни народной, то у Солженицына вертикаль истории переворачивается суженным книзу концом, конусом. Весь интерес сосредоточен на верхней плоскости этого клина, на верхних ярусах жизни государства: великие князья, министры, генералы, думские деятели, политические вожди и жожаки. Народ в формировании отечественной истории как бы не участвует. Чем выше по вертикали, тем именитее, чем ниже – тем безымяннее. И что же мы слышим от Солженицына об этих неименитых персонажах? «Они как бы смазка или соединительная ткань, и они дают маленькие оазисы совсем простой жизни, совсем простого воздуха», позволяя даже «забыть об истории» [3, с. 32]. Народ – лишь «смазка» в двигателе исторического сюжета! Чем сильнее втягивается российский мир в водоворот революции, тем меньше остается у Солженицына внимания людям «из простой жизни».

Далеко в сторону от тысячелетней национальной традиции уклоняется взгляд писателя на творческие силы истории. Солженицын считает, по-видимому, что простые люди мало что решают. Все вершит «генералитет», действующий с чистого листа! Как толстовский Наполеон, возмнивший себя гением, «генералитет» считает, что «не то хорошо, что хорошо, а то хорошо, что пришло ему в голову». Народ у Солженицына оттеснен на обочину истории, «обречен на второстепенность, на художественный пунктир с невосполнимо длинными просветами» [3, с. 32].

И Дедков напоминал Солженицыну уроки Толстого. В дневнике от 4 апреля 1870 г. творец «Войны и мира» писал: «Читаю историю Соловьева. Все, по истории этой, было безобразие в допетровской России: жестокость, грабеж, правед, грубость, глупость, неумение ничего сделать. Правительство стало исправлять. И правительство это такое же безобразное до нашего времени. Читаешь эту историю и невольно приходишь к заключению, что рядом безобразий совершилась история России».

Но как же так ряд безобразий произвели великое, единое государство? Уже это одно доказывает, что не правительство производило историю. Но кроме того, читая о том, как грабили, правили, воевали, разоряли (только об этом и речь в истории) невольно приходишь к вопросу: что грабили и разоряли? А от этого вопроса к другому: кто производил то, что разоряли?.. Кто делал парчи, сукна, платья, камки, в которых щеголяли цари и бояре? Кто ловил черных лисиц и соболей, которыми дарили послов, кто добывал золото и железо, кто выводил лошадей, быков, баранов, кто строил дома, дворцы, церкви, кто перевозил товары? Кто воспитывал и рожал этих людей единого корня? Кто блюл святыню религиозную, поэзию народную, кто сделал, что Богдан Хмельницкий предался России, а не Турции и Польше?» [8].

Для постижения не мнимых, а подлинных творческих сил истории, считал Толстой, нужно совершенно изменить предмет наблюдения: «оставить в покое царей, министров и генералов, а изучать однородные, бесконечно малые элементы, которые руководят массами» [9].

«Так какой же России принадлежит Александр Исаевич Солженицын? – задавал риторический вопрос Дедков. – Какую исчезнувшую Россию он раскапывает? Россию Толстого или Россию Болеслава Маркевича, автора ныне забытых романов из жизни русской аристократии?» [3, с. 33]. Тревожный вопрос,

обоснованное недоумение! Тем более обоснованное, что речь-то и тут идет у Дедкова не только о литературе, но и о жизни сегодняшнего дня, о жизни, круто уклонившейся от тысячелетнего своего русла, вывернувшей наизнанку все выстраданные веками истины, все национальные святыни.

Дедкова настораживали элитарные воспарения, намечавшиеся в русской жизни и литературе в преддверии «перестройки». Вот уже заговорили в столице, что «деревенская проза» с ее идеалами себя изжила, устарела. Пора преодолевать ее узость и отсталость. Стали преодолевать и «преодолели» так, что в одночасье пустили под нож вместе с деревенской прозой и многострадальную русскую деревню. Вот уже поспешили написать роман «Место действия». «Место жизни – это старомодно, – иронизировал Дедков, – место чьей-то захудалой, заплесневевшей жизни становится местом действия энергичных людей». В старом сибирском городке Николо-Ядринске эти люди воздвигают нечто грандиозное. Вековая тишина провинциального захолустья рушится под напором мощного рева новейших бульдозеров. Трещат деревянные домишки. И «все это преподносится как некое благодеяние, как подарок судьбы, как манна небесная? Почему так иронически-небрежно упоминается старый ядринский быт? Отчего это ядринские старожилы похожи на туземцев, дождавшихся наконец своего Миклухо-Маклая?

А все оттого, что посланцы прогресса, строители „цивилизации высшего стандарта“, изображены как благодетели, заботливые опекуны, отцы родные, как щедрые купцы с широкою душой. Все они, как на подбор, все московские жители, все энергичны, деловиты, значительны, все, что надо, заранее снесут, все, что надо, вовремя отстроят... Что им Ядринск, ничтожная точка на стратегической карте! Прилетели, увидели, победили, встряхнули замшелых людей, вывели их на главную магистраль истории, легонько подтолкнули, а сами – лететь дальше, быстрее, к новым командным высотам ...» [4, с. 51].

К чему привели эти полеты – тому все мы живые свидетели. Прогнившая часть партийной номенклатуры во имя сохранения и приумножения своих привилегий и власти погрузила страну в первобытное варварство. Она не побрезговала ради мешка мамоны вступить в союз с теневой экономикой и уголовным элементом. Почувствовав сопротивление провинциальных глубин, она пошла на риск, на чудовищный проект «цивилизационного слома». Поскольку наглое и некультурное буржуа решительно отторгала православная вера и на дух не переносила русская литература, «энергичные люди», кажется, возомнили себя богами и решили чохом от всего этого избавиться.

Считать буржуазией эту, извините за выражение, современную «элиту» могут лишь люди, наделенные болезненной фантазией. Этот опустошенный народ ничего общего не имеет не только со старыми отечественными предпринимателями, но даже и с выставляемыми ими в качестве образца американцами. Ведь предприниматель в США – патриот и строгий христианин на пуританский манер. У него в характере – культ трудолюбия, бережливости, верности долгу. А у наших молодцов – «деньги не пахнут».

Не предпринимательская, не созидательная стихия бушует ныне на поверхности нашей жизни. Правит бал стихия воровская. Ее душевная расхристанность, грубость и какая-то вызывающая бесстыжесть вламывается в наши дома, бесчинствует и охальничает в радио- и телевизионных передачах, в публикациях газет, в лотках с порнографической макулатурой. Смешать у растерянных людей понятия о добре и зле, красоте и безобразии, повергнуть их в состояние прогрессирующего нравственного распада... И все это наглое бесчинство творится в стране, давшей миру Пушкина и Толстого, Гоголя и Достоевского, Щедрина и Некрасова, Чехова и Левитана, Чайковского и Рахманинова, Шостаковича и Прокофьева, Ильина и Франка! Не слишком ли дерзок размах? Сосчитаны ли силы?

Хочется верить и надеяться, что встанет, наконец, огромная страна, найдет силы вернуть себе утраченное достоинство. Хочется верить, что не превратится она в колониальную окраину, обслуживающую сырьевыми ресурсами «золотой миллиард». И русская интеллигенция, может быть, опаматается и воскреснет. А воскреснув, она, может быть, озаботится духовным здоровьем народа. Но для этого нам нужно «вернуться к себе», к своим национальным святыням, к своей брошенной земле. А кроме того нам нужно изжить, наконец, одну застарелую болезнь, на которую пронизательно указал еще И.С. Тургенев.

Он не устал убеждать ревнителей российского прогресса, что новый водворяющийся порядок должен быть не только силой отрицающей, но и силой охранительной. Нанося удар старому миру, он должен спасти в нем все достойное спасения. Тургенева тревожила наша беспочвенность, пугала наша безоглядность, наша готовность рабски следовать за каждой новомодной мыслью, легкомысленно отворачиваясь от нажитого исторического опыта, от вековых национальных традиций. «И отрицаем-то мы не так, как свободный человек, разящий шпагой, – писал он в романе „Дым“, – а как лакей, лупящий кулаком, да еще, пожалуй, и лупит-то он по господскому приказу». Эту холопскую готовность не уважать своих традиций, глумиться над предметом вчерашнего поклонения Тургенев заклеил меткой фразой: «Новый барин народился, старого долой! То был Яков, а теперь Сидор; в ухо Якова, в ноги Сидору! Помните, какие в этом роде происходили у нас проделки!» [10].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксаков И.С. О значении областной России и необходимости областной печати [Электронный ресурс]. – URL: http://www.dugward.ru/library/aksakov/iaksakov_o_znachenii_oblastnoy.html.
2. Герцен А.И. Трагедия за стаканом грога [Электронный ресурс]. – URL: http://www.az.lib.ru/g/gercen_a_i/text_0060.shtml.
3. Дедков Игорь. Любить? Ненавидеть? Что еще?.. Заметки о литературе, истории и нашей быстротекущей абсурдной жизни. – М., 1995.
4. Дедков Игорь. Эта земля и это небо. Очерки, заметки, интервью. Дневниковые записи о культуре провинции 1957–1994 годов. – Кострома, 2008.
5. Передреев Анатолий. Стихи [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.stihi.ru/2008/06/03/1553>.
6. Пиксанов Н.К. Областные культурные гнезда. – М.; Л., 1928. – С. 9–10.
7. Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч.: в 20 т. – Т. 7. – М., 1969. – С. 190, 258, 268.
8. Толстой Л.Н. Собр. соч.: в 22 т. – Т. 21. – М., 1985. – С. 265.
9. Толстой Л.Н. Собр. соч.: в 22 т. – Т. 6. – М., 1980. – С. 278.
10. Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: в 28 т. – Сочинения. – Т. 9. – М.; Л., 1965. – С. 168–169.

I. DEDKOV ON THE LIFE IN THE RUSSIAN PROVINCES

Yu.V. Lebedev

I.A. Dedkov's views on the life in the Russian provinces is considered in the context of spiritual and moral traditions of the Russian classical literature.

Culture, historical process, civilization, the provinces, literature.

Статья поступила 19.05.2015

УДК 82.09

**ОПЫТ ПРЕОДОЛЕНИЯ НЕМОТЫ (ПО СТРАНИЦАМ ПРОИЗВЕДЕНИЙ С.П. ЗАЛЫГИНА
И КНИГИ И.А. ДЕДКОВА «СЕРГЕЙ ЗАЛЫГИН»)**

С.А. Яковлев

Опыт осмысления И.А. Дедковым творчества С.П. Залыгина важен для понимания духовных и общественно-политических исканий второй половины XX в.

Литература, «оттепель», экология культуры, народ, личность, познание.

История человеческой мысли – это история сопротивления. Многовековой опыт развития общества обращает нас, если воспользоваться формулой И.А. Дедкова, «к человеку, который способен все свое краткое существование тратить на то, чтобы противостоять обстоятельствам на всех уровнях – от повседневного до глобально-исторического» [1, с. 28]. При этом, уверен Дедков, в расчет следует брать «не только философские, политические, экономические идеи, выработанные профессионалами в этих областях знаний», не только «статусные» идеологии, но прежде всего *народную мысль*, которая состоит из великого множества индивидуальных, самобытных мыслей и правд. «Обезличенной, ничьей, ее просто нет» [1, с. 259]. Эта мысль, конечно, не свободна от самых разных заблуждений, но она каждодневно проверяется на истинность земным опытом человека и по самой природе своей даже в лихую годину служит для народа спасительным прибежищем и непререкаемым условием его выживания. Именно на этой «заземленной», несущей отпечаток каждой отдельной личности мысли было сосредоточено, по мнению критика, внимание писателя С.П. Залыгина. Именно ее значение в жизни общества и раскрывает Дедков в своей книге «Сергей Залыгин».

Сергей Павлович Залыгин (1913–2000) известен прежде всего как прозаик, чьи первые значительные произведения появились в пору «оттепели» и стали приметными вехами общественного раскрепощения 1950–1960-х гг. – наряду с сочинениями А.И. Солженицына, А.Т. Твардовского, ряда других писателей-шестидесятников. Мелиоратор по диплому, впоследствии ученый-гидрограф, Залыгин рождением и значительной частью жизни был связан с Сибирью, долгие годы занимался изучением ее водных ресурсов. Это он инициировал и фактически возглавил первое в СССР общественное экологическое сопротивление. Наиболее громкий эпизод этой многолетней борьбы был связан с грандиозным проектом Минводхоза по переброске части стока северных рек в южные регионы страны для орошения засушливых земель и пополнения Арала и Каспия. Расчеты ученых-экологов предсказывали катастрофические последствия этой авантюры как для природной среды, так и для населения Сибири. В конце концов проект был остановлен под давлением общественности (при самом энергичном участии Залыгина) специальным решением Политбюро ЦК КПСС в 1986 г.